

перспективную продуктивность их применения законодателями субъектов Российской Федерации. Высказывая опасения в возможности избыточной регламентации правовой деятельности субъекта, переоценке прогностической функции правовой науки, они тем не менее положительно оценивают саму попытку сформировать «Концепцию» именно как идеологию («эскиз региональной правовой идеологии»)¹. Мы, таким образом, обнаруживаем, как проявление идеологической (полагаем допустимо применить данный термин) функции правовой науки, так и преломление идеологии в правовых документах.

В современной отечественной юридической мысли обсуждается и вопрос о формировании «конституционной правовой идеологии». С точки зрения авторов, конституционные положения части второй статьи тринадцатой не являются в данном случае препятствием, так как «задают систему координат» для существования различных типов идеологий в нашей стране. В этой системе конституционная правовая идеология призвана выступить консолидирующей формой в силу природы и характера самого Основного закона государства. Конституционная правовая идеология позволит обеспечить преемственность и функционирование государственной власти в контексте соблюдения баланса конституционных ценностей, социальных приоритетов, прав и свобод личности². Можно согласиться с мыслью о продуктивной роли консолидирующей идеологии для развития государства, общества, человека.

Таким образом, мы видим, что идеология в тех или иных формах обнаруживает свои проявления в правовой реальности. Общесоциальные идеологические установки и элементы правового бытия, понимаемого в предельно широком плане, такие как нормы права, правоотношения, элементы правосознания (правовая психология, правоведение, собственно правовая идеология), правовая политика, находятся в сложных взаимосвязях и взаимозависимостях. Говорить о свободе права от влияния идеологических установок можно только в области правовой науки и скорее в качестве желаемого идеала, нежели актуального состояния. На современном этапе российское общество обладает комплексом ценностных установок, закрепленных в нормативных правовых актах федерального уровня, которые могут рассматриваться как форма востребованной обществом идеологии. На наш взгляд, можно говорить о наличии основ для формирования национальной идеи, о необходимости которой многократно говорят как представители философского сообщества, так и специалисты в области юриспруденции.

Бобков Александр Иванович,

кандидат философских наук, доцент, профессор
кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин
Восточно-Сибирского института МВД России

Образование без идеологии, или Конец идеи университета

«Угнетение идеологией» воспринимается сегодняшним поколением, пришедшим в университеты, как состояние поколения далекого для них советского прошлого. Основным предикатом такого состояния в их сознании является полная зависимость мышления поколений, выросших в СССР, от отмененных революцией 1991 года догм самого лучшего и самого передового общества на планете. Строительство коммунизма в данном случае расценивалось как сочленение утопии и идеологии весьма опасное для устойчивого развития. Неустойчивое развитие представляется сегодняшнему поколению весьма далеким явлением, однако кризисы, в коих мы живем, подаются так, что ответственными за них назначают вновь и вновь старшие поколения, не умеющие представить себе текучую современность с ее расплавленными в угоду индивидуализации структурами и полагающими, что устойчивое развитие есть сохранение неких структурных принципов. Тогда как необходимо видеть тот факт, что структура сегодня конструируется однобоко, одноразово в угоду тем, кто сумел убедить массу в том, что именно эта структура может решить проблему раз и навсегда. Не нужно благодаря идеологии возвышать объективированное прошлое до состояния

¹ Клименко А. И., Попов В. И. Триумф идеи и / или успехи идеологии? Правовая политика или правовая идеология? // Правовая культура. 2022. № 4 (51). С. 112—113.

² Зиновьев И. П., Колесников Ю. А., Мельников В. Ю. Идеология как общественный и государственный институт // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 198—199.

субъектности. Лучше вообще отменить всякую субъектность в силу того, что одноразовое субъективирование лучше, чем постоянное сопротивление объективации. И не важно, что субъективность и субъективация — не субъектность. Главное, не вести диалог с прошлым для определения смысла человеческого бытия, убрать вечное из всех сред, где происходит или возможна встреча поколений. Лучше вообще убрать такие среды. Убрать их не только символически, но и реально.

Устранение традиции через устранение символов встречи поколений есть современное заболевание университета с его иллюзией освобождения от идеологии. Самое странное заключается как раз в том, что идеология и есть детище университетов. Когда философию сделали служанкой науки, она сумела изобрести идеологию как предельное выражение социальной субъектности. Идеологию национальной культуры. Однако сегодня идеология национальной культуры вообще признается деструктивным изобретением. Социальная реальность без идеологии вообще не содержит социальной субъектности, поэтому университет должен прекратить следовать своей миссии. Неутешительная диагностика состояния университета предложена Б. Ридингсом. По его убеждению: «...Университет становится институтом иного типа; он больше не связан с судьбой национального государства, так как перестает выступать в роли творца, защитника и распространителя идеи национальной культуры. Во всех уголках мира процесс экономической глобализации ведет к относительному упадку национального государства в качестве первичной инстанции воспроизводства капитала. Университет в свою очередь становится транснациональной бюрократической корпорацией, либо связанной с транснациональными инстанциями управления, такими как Европейский союз, либо функционирующей независимо по аналогии с транснациональной компанией»¹.

Объективация ввела в пространство университета то, что до этого было не внедряемо в принципе, а именно торгово-административный диктат. Никто не говорил о том, что его до этого не было, но его не было в пространстве университета, хотя он им производился, но производился для внешней среды и не более того. Тотальное надзирательство и экономическая невыгода сначала погубили среднюю школу как менее приспособленную к уходу от них, а затем добрались до высшей школы. Через внедрение тотального рыночного обмена университеты бросились в соревнование за потребителя образовательных услуг.

Обозначим категорически, что этот процесс касается не только университетов Запада, но и наших университетов. Терри Иглтон назвал этот процесс американизацией. Мы считаем его скорее процессом деидеологизации или процессом денационализации. Убедить субъекта в том, что он, находясь в образовательном пространстве, свободен от идеологии — не значит освободить его от нее. Идеология не терпит пустот. Если уходит одна идеология на ее место приходит другая. Она может быть изобретена или заимствована, но она есть. Советский университет, признанный без всякой полемки, тупиковым проектом, казался всем подчиненным идеологии настолько, что предполагалось отсутствие ее эволюции. Такая иллюзия происходит в результате того, что университет не может производить никакой другой идеологии кроме национализма. Вот что писал о том, что следует называть американизацией, Б. Ридингс: «Американизацией теперь следует называть не столько практику национального империализма, сколько повсеместное навязывание правила денежных отношений вместо идеи национальной идентичности в качестве детерминанты всех аспектов инвестирования в общественную жизнь. Иными словами, американизация означает конец национальной культуры»².

Так как в советском университете идеологией национальной культуры был коммунизм, а он подвергся дискредитации через сконструированную без национальной культуры этноархаику, то нам придется задуматься над тем, к чему ведет университет неолиберальная идеологии господства меньшинства над большинством?

Главное, что требуется от университета в рамках неолиберального дискурса, — создавать это меньшинство, однако неолиберализм идет дальше. Он хочет, чтобы меньшинство университетов создавало меньшинство, управляющее массами по всему земному шару. Советский университет, как положено университету «русского коммунизма», боролся с массой не для того, чтобы усугубить ее состояние «варварства», а скорее заботился о том, чтобы ввести ее в состояние творчески мыслящего народа. Именно в советском университете трудились сообщества, помогающие в этом массе, но таились и те, кто уже хотел попробовать стать элитой, управляющей массами. И, как ни странно, актуализация идей этих людей произошла при поддержке управляющей бюрократии уни-

¹ Ридингс Б. Университет в руинах. Москва, 2010. С. 12.

² Там же.

верситета. Более того, мы не заметили то, что бюрократия университета, выходя из лабораторий и кафедр с учеными степенями, быстрее всего воспользовалась и идеологическими социальными лифтами коммунизма, и новыми неолиберальными лифтами. Так, один из профессоров Иркутского государственного университета был делегатом XXVIII съезда КПСС и стал успешным сотрудником фондов Сороса, Макартур и Форда.

«Рыцарей советской науки», или «святых университета» сменили симулирующие научный поиск начальники от науки и заведующие кафедрами. Они же ввели на кафедры, особенно гуманитарные, научных вундеркиндов, чем ужесточили без того начавшийся «спор факультетов» (И. Кант). Интеграция советского университета достигалась за счет идеологии русского коммунизма, распространяемой через исторические и философские курсы на все факультеты.

Преемственность университетской традиции здесь была двоякой. С одной стороны, советскому университету удалось установить то, что до него призывал постоянно делать И. Кант в целях поддержки идеи университета в рабочем состоянии. Как отмечает Л. А. Калинин, И. Кант настаивал на том, чтобы: «Из младшего — подготовительного — философский факультет должен стать самостоятельным. Но этого мало: он должен быть основой университетского образования, составляя не только его базис, но и направляя его, открывая новые горизонты как для вновь рождающихся наук, так и для традиционных областей практического знания, подлежащего сфере государственного контроля и регулирования, а именно: теологии, юриспруденции и медицины. Кант первым осознал методологическую роль философии в отношении научного знания, его теоретического характера и практического применения».¹ С другой стороны, излишняя идеологизация жизни советского общества была в эпоху революции 1991 года приписана марксистской философии и советской истории и их роль в качестве интеграторов была существенно снижена, а другой системы интеграции университетского сообщества у нас нет, хотя, если честно, ее нет и у других университетских сообществ. Изоляционизм университетов, столь часто воспринимаемый как их разрушение, приписываемый советской системе построения университетов в СССР, был введен снова, но не со стороны необходимости, а со стороны конкурентных национальных университетских сообществ, стремящихся не допустить новых игроков на рынок брендового образования. Разве мог Гарвард не унижить МГУ. Конечно, нет. Парии глобализма не должны иметь нормального конкурентоспособного образования, поэтому преемственность на основе изоляционизма была двояка. С одной стороны, есть те, кто хочет не спасать университет в России, а путем его изоляции в бесчисленных расправах администраторов и еще оставшихся интеллектуалов обеспечить окончательную победу квазиинтеллектуалов. Это внешние изоляционисты. С другой стороны, есть внутренние изоляционисты, которые как раз стремятся к тому, чтобы спасти университеты России, если это возможно. Именно такого изоляционизма боятся те, кто уже приговорил российскую высшую школу жить в рамках полного отсутствия преемственности.

Для того чтобы не было преемственности между советским и российским университетом, необходимо утвердить иллюзию отсутствия нормального развития советского университета вообще. На месте советского университета нужно оставить пустоту, даже не руины. Идеология пустоты есть революционная идеология, подминающая идеологию эволюции, но не преодолевающая ее совсем. Хотя существование ее известно немногим. Для того чтобы пустота состоялась, необходимо историческое развитие университета описать так, чтобы его должное и его сущее были отдалены максимально.

Политизация университетской жизни через устоявшиеся оценки «застойной» советской цивилизации есть убедительнейшее доказательство того, что вне идеологии российское общество никогда не находилось. По мнению А. Дмитриева, предложившего интересный концепт «переизобретение советского университета», образовательная политика уже в период Октябрьской революции попыталась покончить с эпосом преемственности и независимости идеи университета от безнациональной идеологии, однако контрреволюционный поворот к построению социализма в отдельно взятой стране привел к тому, что идея университета как творца национальной культуры возобладала вновь. Как ни трудно согласиться, но возрождение университета состоялось. Даже настроенный критически А. Дмитриев отмечает: «В начале советского периода этот эпос пытались радикально видоизменить в пользу альтернативного нарратива (ценностей студенческого движе-

¹ Калинин Л. А. О «Споре факультетов» как итоге: профессорско-педагогическом, философско-мировоззренческом, валеолого-диететическом / отв. ред. Л. А. Калинин; Кант И. Спор факультетов / пер. с нем. Ц. Г. Арзаканяна, И. Д. Копцева, М. И. Левиной. Калининград, 2002. С. 7.

ния, революционного обновления и социо-технической модернизации), но уже начиная со зрелого сталинизма парадигма преемственности оказывается все более значимой»¹.

Вместе с тем расцвет университета в эпоху 60—80-х годов XX века в СССР произошел как раз тогда, когда русский коммунизм стал наиболее мощно развитой идеологией нормального национализма. Трудно многим согласиться со следующим заключением А. Зиновьева, однако в нем обозначена преемственность там, где ее стремятся запретить: «Коммунистический социальный строй и Октябрьская революция в России появились вовсе не как некое уклонение от российской истории. Это было закономерное продолжение русской истории. Благодаря коммунистической революции сохранилось лучшее, что было создано в русской истории»². Не случайно А. Дмитриев отмечает: «Восстановленная в правах в 1960—1980-е годы — применительно к прошлому — идея университетской автономии (как важная часть «прогрессивной традиции» XIX столетия) уже в 1990-е годы оказалась формой консервации достигнутого, способом защиты ректорского сообщества и изрядной части профессуры — через апелляции к истории — от «вмешательства горе-реформаторов». В результате под классическим университетом стал фактически пониматься университет брежневского времени»³.

Неуязвимый с позиций социальной логики или с позиции декларируемой социальной мобильности, он был сокрушен именно на гуманитарных университетских кафедрах теми, кто решил превратить университет в корпорацию, отойдя от функции создания национальной культуры.

И пусть на самом деле переизобретение советского университета полагается нелибералами процессом тупиковым. Тем не менее мы видим одно, что изобретение национально консолидирующей идеологии есть священная миссия университета, его идея, реализованная в брежневские времена наиболее полно, не идеально, но наиболее полно. Именно возвращение к ней и боятся все те, кто зарабатывает на бесконечных компетентностных подходах и образовательных стандартах. Ведь миф об отставании в условиях нормальной изоляции университета не работает, однако это не значит, что восстановление советского университета пойдет по пути полной копии, но обнаружение в нем технологий нормального национализма с учетом универсализма, изобретаемого им, есть путь к восстановлению идеи университета.

Если мы не переизобретем свой универсализм освобождающего характера, каким был русский коммунизм при всех его недостатках, его переизобретут другие, но при этом выбросят то поколение профессуры, которое весьма легко отказалась от идеологии. Необходимо помнить о том, что шанс у университета есть только тогда, когда он осознает, что его судьба либо связана с судьбой национального государства, либо его вообще нет. Тот сценарий превращения университета в транснациональную корпорацию, который предлагает нелиберальная доктрина развития университета, есть мощнейшее начало его уничтожения. Ждущие инвесторов сегодня вне государства квазиинтеллектуалы полагают, что именно в этом и есть их важнейшая миссия. Инвестор между тем тратит деньги не на то, чтобы российский университет стал новой корпорацией, а наоборот. Согласные с таким положением отдельные естественно-научные сообщества университетов полагают, что в союзе с технократами они принудят инвесторов развивать российские университеты без государства. Без освобождения от идеологии как цели и смысла университета их проект не осуществится, поэтому необходимо убрать тех, кто мыслит иначе. Национально мыслящие гуманитарии вот тот, кто мешает окончательно захватить университет. Именно они привязаны к национальной культуре, они ее производят, защищают, берегут иначе им невозможно жить.

Ивашевский Станислав Леонидович,

доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры философии Нижегородской академии
МВД России

Идеология в юридическом образовании эпохи перемен

Современное российское общество переживает эпоху перемен, которая характеризуется существенными социально-экономическими изменениями, поиском идеологических оснований жизни

¹ Дмитриев А. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 62.

² Зиновьев А. Моя революция. URL: https://royallib.com/read/zinovev_aleksandr/moya_revolyutsiya.html#modal (дата обращения: 21.11.2022).

³ Дмитриев А. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1 (91). С. 62.